

ВЛАДИМИР ИОНОВ

**ХРОНИКИ ОДНОГО
БОЛЬШОГО ПОБЕГА
НА ЮГ**

По волнам памяти двух морей

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

Владимир Ионов

Хроники одного большого побега на Юг. По волнам памяти двух морей

<https://litres.ru/74545358>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это не путеводитель. Это книга о том, как заграница закончилась — но началась дорога.

Весна 2020 года застала нас в Каталонии. Границы закрывались, рейсы отменялись — мы улетели последним самолётом из Барселоны. Через две недели самоизоляции стало ясно: Европа закончилась. Но есть огромная страна.

Так началось путешествие, которое длилось не один месяц. Через Воронеж и Ростов, от Косы Долгой до Тамани, по Крыму и вдоль Черноморского побережья — до Абхазии и обратно. Это не отчёт о поездке. Это воспоминания: о людях, о закатах, о вине, о дороге, о местах, которые остались только в море Памяти.

Здесь нет рейтингов отелей и прайс-листов. Здесь есть то, что не оцифровать: гул ночной трассы, запах меловой скалы на рассвете, море, которое горит миллионом огней, и ощущение, что ты наконец едешь, а не бежишь.

«Хроники одного побега» — это книга для тех, кто понимает: иногда, чтобы найти себя, нужно дойти до края света.

Поехали.

Содержание

Пролог. Последний рейс	5
Из ниоткуда в никуда	7
Призраки Косы	16
Море Звёзд	21

Владимир Ионов

Хроники одного большого побега на Юг. По волнам памяти двух морей

Пролог. Последний рейс

До Андалусии мы так и не доехали.

И не потому, что не планировали. Это был март две тысячи двадцатого года, и всем известные события застали нас в Каталонии. Так что пришлось срочно депортироваться из Барселоны «последним рейсом»...

А по прилёту — двухнедельная самоизоляция, плавно перешедшая во всеобщую. Сейчас я не буду останавливаться на том периоде. Скажу лишь: во всём есть свои плюсы. Накопилось много дел «по хозяйству», да и «Изоляция на Селе» — это не в душном городе, в «четырёх стенах». В общем, пересидели.

Но мир реально стал другим. Уже стало понятно, что халавы с путешествиями по миру больше не будет. Ну, ничего страшного — «Широка страна моя родная»!

Как только появилась возможность перемещаться между

регионами, было решено отправиться «на Юг».

«Отпуск» — слово не отсюда: когда в запёртом доме наконец отпирают дверь, из него не выходят в отпуск — из него бегут. Назовём вещь своим именем: побег. Большой — длинной в месяцы.

Дальше — не отчёт о поездке. Скорее, попытка пройти тот путь ещё раз, по волнам памяти: сохранить не маршруты и смёты, а настроение, свет, запахи и усталость к вечеру.

Любая дорога начинается с приготовлений — пакуешь чемодан, прикидываешь маршрут, и ты уже в пути: сознание перестроилось на предвкушение.

Поехали.

Из ниоткуда в никуда

Как только все необходимые «подорожные» были справлены, а QR-коды получены, мы двинулись в путь.

Куда? — Туда.

Откуда? — Оттуда.

«Из ниоткуда в никуда. Из ни отсюда в ни туда. Куда-нибудь — лишь бы плыть, лишь бы плыть...»

Пустая ночная трасса раскрывалась в свете фар и сматывалась в рулон в зеркалах заднего вида. Люблю ездить ночью: машин мало, солнце не слепит. Мы ехали не спеша, не особо держась скоростной магистрали. Встать на «платку» и вдавить педаль в пол имеет смысл, когда ты спешишь из пункта «А» в пункт «Б» — особенно если у тебя всего неделя отпуска, а в пункте «Б» на солнце греется пиво. Мы же не спешили, а Алиса исправно предупреждала о камерах и засадах.

За долгие годы путешествий у нас выработалась рабочая схема: один рулит часов четыре-пять, другой в это время кимарит. Татьяна спала. Точнее, медленно моргала справа — трудно уснуть, когда адреналин предвкушения уже впрыснулся в кровь.

— Ты решил, куда мы едем?

— На Юг...

— А конкретно? — уточнила Татьяна минут через пять

(в её восприятии прошла секунда).

— Да как-то всё ровно...

Прошло ещё минут пять.

— Ну, после Краснодара — налево или направо?

— До Краснодара ещё тысяча вёрст, решим.

За такой «оживлённой» беседой мы докатились до Воронежа. Татьяна перестала медленно моргать и проявила заботу: в моей правой руке дымился свежесваренный кофе. Обычный автомобильный кипятильник — очень, надо сказать, удобная вещь.

— Может, поменяемся? Скоро светает.

Перед рассветом я практически слепну — такая вот неудобная особенность зрения.

— Да, можно, — зевнул я. — А посмотри, может, по пути есть на что взглянуть?

Супруга погрузилась в телефон.

— За Воронежем есть пещерный храм Сицилийской иконы Божией Матери. Дивногорье. По фоткам — прямо в скале вырублен. Смотри...

— «Не отвлекайте водителя во время движения», — буркнул я и, отхлебнув кофе, добавил: — «Своевременно оплачивайте проезд». Доедем — посмотрим.

Я ткнул навигатор:

— Алиса! Дивногорье. Храм Сицилийской иконы Божией Матери.

— Маршрут построен...

— Отлично. Будем там как раз к восходу. Там и поменяемся.

После пятисот вёрст эти два часа дались нелегко. Ехал медленно, но, с другой стороны, делать нам там до рассвета всё равно было нечего. Я плёлся и напевал себе под нос: «...товарищ сержант, два часа до рассвета...». Татьяна снова медленно моргала.

Машины оставили на стоянке у ж/д платформы — кажется, она так и называется, «Дивногорье». Дальше пешком, немножко в горку. От подножия к храму ведёт добротная лестница; в целом всё очень аккуратно и ухожено. Уже почти рассвело, и меловая скала, в которой вырублен храм, резко контрастировала с озарявшимся небом.

Церковь, конечно, была закрыта, но внешний вид впечатлял.

— Я даже не думал, что у нас такое есть, — произнёс я.

— А мне кажется, мы что-то подобное уже видели...

— Конечно, и не один раз. Выбирай из последнего: Крит или Черногория?

— Да ладно... Точно! — улыбнулась Татьяна.

— Наверное, ближе к критскому варианту. В Черногории, насколько я помню, на скале высечен только фасад, а тут прямо в монолите вырублена вся церковь.

— Интересно, она действующая? — Татьяна рассматривала фрески и пыталась заглянуть в оконце.

— Думаю, да. Сейчас придут служить заутреннюю...

— А это Дон? — Она повернулась к реке и оперлась на перила.

— Не думаю. Какой-то приток или затока. Дон вон там, правее, — я выдержал паузу и продолжил тоном знающего гида: — Кстати, где-то здесь поймали белугу весом под тонну...

— Ага, «вот с таким глазом», — Татьяна показала руками арбуз. — И ты лично принимал в этом участие.

— Нет, конечно, — продолжал я. — Это было лет сто назад. Погугли.

— Не хочу. Верю. — Она ткнула меня в плечо. — Ты заранее планировал сюда заехать и всё прочитал? Признавайся!

— Нет, дорогая, ты же сама предложила всего пару часов назад, — я прищурился. — У меня просто симка в ухе застряла, теперь я всегда онлайн...

— Ладно, поехали. Я очень хочу успеть на закат. — Татьяна уже спускалась по лестнице.

— Ты хотела сказать «на шашлык»? — улыбнулся я ей в спину.

— Тебе лишь бы пожрать. Хочешь заехать на Лебердон?

— А разве можно не заехать?

— Правда, не заехать нельзя. — Она перешла на бег. — Тогда поскакали скорее! Если опоздаем на закат, я сильно расстроюсь.

Закат... Солнце ещё даже толком не показалось над гори-

зонтом!

Я не стал «моргать справа» — лёг на заднее сиденье и мгновенно провалился к Морфею. Хорошо быть небольшого роста: везде поместишься.

...Кто-то приложил к щеке раскалённую сковородку и зажал в тиски правую ступню. Вдобавок гидравлическое давление в организме приближалось к красной зоне.

Я открыл глаза и тут же зажмурился — солнце светило прямо в левый глаз. Ногу слегка свело: всё-таки я не настолько маленький.

— Где едем? Ты как?

— Шахты проехали. Нормально.

— Ну я и храпанул... Сильно?

— Не особо. Но иногда казалось, что у нас мотор сзади.

— На заправку не пора?

— Можно.

Заправились, поменялись. Татьяна ушла на заднее сиденье, а я приготовился к пробкам на подъезде к Ростову. Однако дорога оставалась практически пустой.

«Ё-моё, карантин же толком не сняли... Это мы так и без шашлыка останемся!» — в ужасе подумал я.

Либердон. Да-да, именно так! Да простят меня отличники-медалисты. Я знаю, что правильно «Лебердон», а ещё точнее — «Левбердон». Левый берег Дона — место, воспетое в песнях и народной молве. Но у меня в памяти оно записано именно как «Либердон». Ну, типа — «Свободный Дон».

Длинная набережная с пляжами, кафешками и ресторанами — зланный рассадник пороков и, как пишут путеводители, «любимое место отдыха жителей и гостей Ростова-на-Дону». Обычно подобные локации нас не прельщают: мы вообще опасаемся больших скоплений народа. Но однажды заехали в одну кафешку случайно — просто нестерпимо захотелось мяса. Называется то ли «Казачий Дом», то ли «Казачий Хутор». Находится сразу за резким левым поворотом, если ехать от верхнего моста. Найдёте без труда.

Так вот, там делают, пожалуй, лучший шашлык, который я когда-либо пробовал. Огромные куски мяса толщиной сантиметра в два, нанизанные сразу на два шампура. Степень прожарки — идеальная: сочно и реально нереально вкусно. Жарится всё это на мангалах длиной метров подцать — кажется, на таком можно целиком зажарить упитанного кабана. С тех пор, проезжая Ростов, мы заезжаем туда в обязательном порядке.

Ближе к городу машин поприбавилось, а в Аксае даже немного постояли. Но я не спешил — дав Татьяне ещё немного поспать.

На наше счастье кафешка работала. На мангалах шкворчало мясо, а к кассе выстроилась небольшая очередь. Что забавно, люди честно выдерживали дистанцию по разметке на асфальте.

С трудом осилив на двоих один кусок мяса и одну люля (ну, лучок, овощи, лаваш — в расчёт не берём), мы двину-

лись дальше. Лениво и вальяжно. Казалось, Федя (Форд), как и мы, обожрался и с трудом проворачивает поршни. Горячий ветер, залетавший в открытые окна, ласкал кожу, а запах застоявшихся ростовских лиманов не раздражал, а создавал правильный настрой.

Впереди нас ждали Должанка. И закат, на который так боялась опоздать супруга.

Призраки Косы

«Федя», с лёгким креном на правый борт, съезжал с основной трассы, оставляя за кормой Ростов-Папу и беря курс в сторону приазовских степей. Вот уже и Азов остался позади. Я мысленно приготовился к серьёзной качке — дорога между Азовом и Староминской (ударение на последний слог) никогда не отличалась ровностью. А если сказать по правде, была просто убита. Каково же было наше удивление, когда мы увидели свежеуложенный асфальт — правда, не везде. Впереди нас ждала Должанка.

Ну как ждала? По большому счёту, Косе должно быть всё равно — приедем мы или нет. Или не мы. Но всякое бывает.

Должанка — место уникальное и легендарное. Для тех, кто «в теме». Теперь уже много раз описанное и даже воспетое.

Узкая полоска суши, метров сто, а местами и меньше, уходящая на километры в море. С одной стороны бушуют волны, а с другой — гладкая, как зеркало, вода. И только одинокие бакланы сидят на дюнах ракушняка перед перелётом на острова Долгие, где их основные гнездования.

С наветренной стороны пара одиноких Мастеров Виндсерфинг-Фристайла прыгают на рубленой должанской волне. А с другой стороны гоняют любители скорости и гладкой воды. И никого.

Палатки стоят там, почти в самом начале узкого места, — с десяток, не больше, под потрёпанным на ветру флагом. За палаточным лагерем, почти в километре, там, где ширина косы уже несколько сотен метров, виднеются условно капитальные строения — это база рыбаков... Так было. Лет двадцать назад...

А потом место стало набирать популярность. И не только у любителей виндсёрфинга. Поначалу на выходные стали приезжать местные отдыхающие. Потом палаточный лагерь стал разрастаться, и не только теми, кто болен Ветром, — многие были просто любители выпить на природе. Потом в начале сужения Косы появилась новая Большая База, которая поначалу даже позиционировалась как «База Активного Отжига» — простите, «База Активного Отдыха». Ну а так как «цивилизация» пришла, то и людей на самой Косе в палатках значительно прибавилось.

А люди, как известно, склонны оставлять следы пребывания. И Косе это не понравилось.

Сначала она предупреждала лёгкими перемывами, смывая мусор и следы пребывания людей, с каждым разом становясь чуть короче и отделяя гнездовья бакланов от напиральной толпы зевак. Но людей становилось всё больше. И если раньше можно было месяц простоять на Косе одной палаткой, наблюдая людей только на выходных, и то не дальше рыбацких построек и старой базы «Элита», то со временем туристов стало столько, что некуда было присесть на берегу.

И природа этого не вынесла. Столетний Шторм смыл Косу, почти смысл построенную Базу.

Теперь Косы нет. Хотя многие со мной не согласятся — скажут: ну как это нет? Вот же она. И новая База на месте. И старая База «Элита» там же. Смыло только кончик. Но для меня Коса начиналась метрах в пятистах дальше Элиты и шла узкой полоской в море ещё километров на пять-семь. До кончика Косы надо было идти по зыбучему ракушняку часа полтора. А теперь кончик вот он, прямо тут, сразу за Элитой. Даже не «за» — море уже смыло часть территории «Элиты».

Когда мы тут были в последний раз, я невольно вспомнил слова Чёрного из фильма «Дикари»: «Мне кажется, я сюда больше не приеду... Не так что-то... как-то не так... изменилось... то ли здесь, то ли во мне...»

И вот мы снова ехали на Должанку.

Уже Ейск остался за кормой, а дорожная усталость накачивала неумолимо. Так же, как и солнце, катилось к Закату. А у нас же цель — успеть на Должанский Закат!

Должанские Закаты — это отдельная тема. Казалось бы, но что здесь такого — солнце садится в море. И вчера садилось, и завтра сядет. И мест таких много. Но Должанские Закаты ни на что не похожи, даже сами на себя вчера или завтра. Они каждый раз уникальные и каждый раз восхитительные. Закаты стихия не смысла.

И вот уже мелкая дрожь нещадно била подвеску Форда — проехали станицу и свернули на «грейдер». Ещё каких-то

десяток километров.

Наши знакомые уже после Большого Перемыва «взяли» Базу «Элита» и вложили всю душу в её восстановление и попытки спасти береговую линию. Мы не стали предупреждать о приезде — решили устроить сюрприз. А если бы их не оказалось на месте — что ж, в трюмах «Федюни» припасено всё необходимое для полностью автономного плавания.

К счастью, ребята были на месте и вовсю готовили территорию к наплыву гостей после отмены карантина. Мы, разумеется, тут же получили дружеский «втык» за визит без предупреждения: «Нам же вас даже угостить нечем!»

Это «нечем угостить» с трудом поместилось на огромном столе веранды с прямым видом на море. Саня — хозяин крайне радушный и знающий толк в настоящих застольях, так что все предыдущие разговоры про «шашлык на Левбердоне» мгновенно отправились в корзину.

И был Вечер. И была душевная компания. И был Закат... и не один.

Море Звёзд

Должанка просто так не отпускает — засасывая машины по полколеса в свою ракушку, а людей распластывая на берегу под тяжестью солнца и солёного ветра...

Нет, мы, конечно же, не застряли в зыбучем ракушечнике. Да его почти уже нигде и нет. В той части Косы, что осталась, — плотный, укатанный тысячами шин грунт. И уже не надо, как когда-то, спускать все колёса до «0.8», чтобы просто проехать. Но на следующий день мы не уехали.

То ли предыдущий закат был чересчур пьянящий, то ли лёгкий утренний бриз и любезно предоставленная ребятами снаряга, то ли просто глухое желание всё же найти утраченное. Но следующим вечером мы употребили ещё один Должанский Закат в душевной компании под шум прибоя. А может, даже и не один — память — штука избирательная...

Так или иначе, но мы продолжили наш путь несколько позже, чем планировали (нет, не так — не «планировали», какие планы? — «позже, чем думали»).

Шальная мысль поехать «козьими тропами» прямо вдоль моря была прибита на корню железным доводом: «Карантин. Ты уверен, что, случись чего, найдёшь тут трактор?». Ехали стандартным путём.

«Федя» лениво поедал километры раскалённой трассы Ейск — Краснодар. Мы молчали — обсуждать то, что оста-

лось от Косы, не хотелось. Да и думать в целом. Просто дорога. Просто марево над летним асфальтом. Просто вперёд.

Вот уже и Брюховецкая осталась позади, а мы приближались к Тимашевскому кольцу.

— Ну что, налево или направо? — спросила Татьяна.

— Всё равно, — я чуть сбавил и без того неспешную скорость.

— А помнишь «Море Звёзд»?

Вместо ответа я надавил на газ и включил правый поворотник. Через пару минут мы уже стояли в глухой очереди на переезд — как всегда.

— Только ночевать давай не на берегу. Посмотри что-нибудь в Тамани, — сказал я и вышел подышать пыльным воздухом через тлеющий огонёк сигареты.

Это было, я даже не помню, в каком году. И куда мы тогда вообще ехали. Может, просто колесили по Краснодарскому краю, а может, искали «секретный спот» Надобы (ударение на «ы»).

В общем, августовская ночь застала нас где-то между Голубицкой и Кучугурами.

А ездили мы тогда на Большом Транзите, под завязку забитом снаряжением для виндсёрфинга и оборудованном всем необходимым для полной автономии. Короче, Дом-на-Колёсах-я-сам-что-то-слепил. Недолго думая, мы выкатились сквозь тёмные поля на высокий берег Азовского моря.

Берег был реально высокий, обрывистый и абсолютно пустой. Вниз, к невидимому в темноте морю, уходила крутая тропа через овраг — то ли вода промыла, то ли люди протоптали. На удивление, комаров не было. Быстро перекусив, спустились к воде.

Ещё сверху мне показалось, что это «ОНО» — Море светится. Лунная дорожка мягко подсвечивала волны, но и вне её серебряных границ виднелись странные холодные всполохи.

Но когда мы подошли к самой кромке воды, я остолбенел. Я такого не видел никогда — каждая набегаящая волна разбивалась о ракушечник мириадами синих светящихся искр.

Нет, мы много раз наблюдали биолюминесценцию моря на той же Должанке. И надо сказать, что на Азовском море это вообще что-то особенное. Светятся то ли какие-то мелкие водоросли, то ли планктон. Их много, они мелкие-мелкие, и днём их не видно. Но стоит ночью провести рукой по воде — остаётся яркий фосфоресцирующий след.

Но в этом месте и в это время этих огней было столько, что море просто горело, отражая звёздное небо. Ничего более завораживающего мы не видели ни до, ни после.

Естественно, одежда была немедленно скинута, а наши тела с разбегу вошли в это огненно-звёздное великолепие.

Бело-голубое матовое свечение тут же окутало нас плотным сиянием. Вода отзывалась тысячей люменов на каждое движение, очерчивая силуэты прямо под поверхностью. Ко-

гда поднимаешь руки — с пальцев стекают капли жидкого света. Из воды физически не хотелось выходить. Да мы и не выходили — плескались, как дети, до самого утра...

Вот туда Татьяна и предложила заехать простым вопросом: «А помнишь „Море Звёзд“?». И понятно, что сейчас день. И понятно, что далеко не август. Но мы ехали даже не в конкретное место на карте — мы ехали «в память».

Проехав замечательный населённый пункт с тостовым на-

званием «За Родину», я начал искать проезд к морю. За эти годы тут выросло много новых домов. И много шлагбаумов — ну это понятно, «люди прут». Но, так или иначе, мы выехали на высокий берег Азова. Возможно, даже на то самое место. Или другое, но очень на него похожее.

Высокий глинисто-ракушечный обрыв. Вниз по оврагу спускается тропа к морю. У кромки воды суетятся люди с детьми, и их немало, несмотря на все карантины. Лёгкий северо-западный ветер нагоняет правильную барашковую волну. Красота.

Мы не стали спускаться вниз. Просто молча стояли наверху, подставляя лица ветру. О чём говорить, когда воспоминания и эмоции одни на двоих.

— Поехали? — я первым вынырнул из Моря Памяти.

— Да, — Татьяна направилась в сторону «Феди». — К Макару заедем?

— Просто поздороваться? Да можно, — я сел за руль. — Крюк до Ильича — это с часок, может, чуть меньше. Плюс чаёк-кофеёк — ещё час. К тому же не факт, что он сейчас на станции, а не в Краснодаре, например.

— А мы что, куда-то спешим?

— Я — нет, — усмехнулся я. — Но кто-то, я боюсь, скоро начнёт «опаздывать на закат». Да ещё с видом на Мост.

— Р-р-р-р! — я получил заслуженный тычок в плечо. — Ладно, я думаю, Сергей не обидится, что мы не заехали.

— Ты не поверишь, он даже не догадывается, — я расхо-

хотался. — А что с ночлегом?

— Да, подтвердили.

— Отлично.

— Надо будет в магазин заехать, взять чего-нибудь на утро, — Татьяна задумчиво смотрела в боковое окно на пролетающие виноградники.

— А на вечер? — спросил я. — Или будем закатывать всухомятку?

— Ты хочешь взять вино в Сенном? (Мы как раз проехали указатель.)

— Нет. Я слышал, в Тамани построили новый завод — вот его и продегустируем.

Вина двух заводов, яростно спорящих за географическое название «Фанагория» (я даже не знаю, чем этот спор в итоге закончился), мы уже дегустировали по «моей схеме». Автохтонные вина и у того, и у другого завода весьма приличные, а вот местный ширпотреб частенько грешил ощутимым «порошковым» послевкусием.

На подъезде к заводу в Тамани, в открытое окно ворвался густой, плотный запах мезги. Нет, не кислый запах прокисших отходов, а тот самый сладковато-терпкий аромат, который чётко даёт понять: прямо сейчас тут давят свежий виноград. Это воодушевляло. Сам завод эффектно вырос из-за поворота индустриальным блеском стальных цистерн, хитросплетением труб и антуражным зданием фирменного магазина. Ну да новый объект, что тут сказать, — умеют пу-

стит пыль в глаза.

Взяли «что-то дорогое» и «что-то дешёвое», названий сейчас уже и не вспомню. Белое автохтонное и красный ширпотреб. Татьяна предпочитает белое. А я люблю красное — мне всегда кажется, что в красном вине богаче букет (естественно, речь только про «сухари»).

Через несколько часов на пустынном, продуваемом ветрами берегу Тамани два бокала — соломенно-янтарный и пурпурно-красный — провожали солнце, которое медленно ныряло в море где-то далеко за едва различимым силуэтом Крымского Моста.

Очередной Закат был употреблён по всем правилам